

THE FUNCTIONING OF A SEMANTIC CALQUE ТОКСИЧНЫЙ IN DISCURSIVE PRACTICES OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

S. Popova, T. Shkapenko

Immanuel Kant Baltic Federal University,
56 A, Chernyshevskogo ul., Kaliningrad, 236022 Russian Federation

Abstract. *The paper focuses on the semantic derivation of the adjective «toxic» in English, which underlies the neosemantization of the adjective “токсичный” in the Russian language. Due to exposing the seme of negative impact, the word “toxic” is subjected to metaphorization. It is actively used in various spheres of Anglo-American discourse. The universal character of the metaphor, in which the target domain is a person, and the source domain – toxic substances, explains the high frequency of its usage. The conceptualization of a person and the whole system of interpersonal relations in terms of metaphor “Man is a toxic substance” is considered as a verbal indicator of the real psychological state of Anglo-American society. The high frequency of the word in political discourse is characterized as a means of language manipulation. Attention is drawn to the ethnic specificity of the American feminist socioconstruct “toxic masculinity”, as a particular manifestation of the tendency to eliminate binary gender opposition. While examining the functioning of neosemantism “toxic” in the Russian language, a conclusion is made about the process of semantic calque, which proceeds in the form of exact copying the ways of its metaphorical usage in the donor language. In the speech practices of native Russian speakers the adjective “toxic” changes its traditional syntagmatics, including in the field of reference nouns with the meaning of a person or various types of human relationships. There are changes in the use of the adjective, which is becoming a fashionable attribute of the speech of politicians, financiers, and psychologists. It is emphasized that the semantic shift in the adjective “токсичный”, which is carried out under the influence of the donor language, is alien to the traditional system of values of Russian native speakers.*

Key Words: *semantic calque, semantic derivation, neosemantization, adjective toxic/toxic, toxic masculinity*

For citation: Popova S., Shkapenko T. 2020. The Functioning of a Semantic Calque Токсичный in Discursive Practices of the Modern Russian Language. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 156–166. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-156-166>

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАЛЬКИ ТОКСИЧНЫЙ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ НОСИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье описываются механизмы семантической деривации прилагательного *toxic* в английском языке, лежащие в основе неосемантизации прилагательного «токсичный» в русском языке. В результате актуализации семы негативного воздействия *toxic* подвергается метафоризации и активным образом используется в различных сферах англо-американского дискурса. Высокая частотность употребления слова объясняется универсальностью действия метафоры, в рамках которой целевым доменом является человек, а областью источника – токсичные вещества. Концептуализация человека в системе его межличностных отношений в терминах универсальной метафоры «Человек – токсическая субстанция» рассматривается как вербальный индикатор реального психологического состояния англо-американского социума. Высокочастотное употребление определения *toxic* в политическом дискурсе характеризуется как средство языкового манипулирования. Обращается внимание на этноспецифичность американского феминистского социоконструкта *toxic masculinity* как частного проявления тенденции к устранению бинарной гендерной оппозиции. В результате наблюдения за функционированием неосемантизма «токсичный» в русском языке делается вывод о процессе семантического калькирования, протекающем в виде точного копирования способов его метафорического употребления в языке-доноре. В фиксируемых в Интернете речевых практиках носителей русского языка прилагательное «токсичный» изменяет свою традиционную синтагматику, включая в область референции существительные со значением лица или наименований различных видов человеческих взаимоотношений. Отмечаются изменения в сфере употребления прилагательного, становящегося модным атрибутом речи политиков, финансистов, психологов. Подчеркивается, что осуществляемый под воздействием языка-донора сдвиг в значении прилагательного «токсичный» входит в противоречие с традиционной системой ценностей носителей русского языка.

Ключевые слова: семантическое калькирование, семантическая деривация, неосемантизация, прилагательное *toxic*/токсичный, токсичная маскулинность

Для цитирования: Попова С.Б., Шкапенко Т.М. 2020. Функционирование семантической кальки токсичный в дискурсивных практиках носителей современного русского языка. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 156–166. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-156-166>

Введение

Влияние различных элементов американского варианта английского языка на современный русский язык особенно ощутимым образом проявляется на лексическом уровне, как наиболее чувствительном к переменам социально-экономического и культурно-идеологического характера. Иноязычные вербальные знаки усваиваются принимающими языками в двух основных формах, то есть заимствования лексемы в двуединстве плана выражения и плана содержания, и как односторонние заимствования, копирующие семантику знака при сохранении материальной формы исконного или ранее заимствованного слова. Второй тип заимствований представляется более сложным как для их выявления, так и для теоретического описания. Среди исследователей не существует единого мнения ни в области их терминологизации, ни в способах их идентификации и изучения.

Оригинальный материал в области теоретического описания новейших семантических заимствований предлагает монографическое исследование «Свое versus «чужое» в дискурсивных практиках современного русского языка» [9]. В результате применения различных подходов к

изучению лексем-англоглобализмов¹ авторам удастся не только выявить различные формы и способы «копирования» иноязычных смыслов исконными русскими или заимствованными ранее словами, но и прийти к выводам общетеоретического характера.

Наше исследование посвящено семантической кальке *токсичный*, сделавшей одну из наиболее «успешных» карьер среди слов-англоглобализмов. Как известно, Оксфордский словарь назвал слово *toxic* лауреатом 2018 года, вслед за чем сотрудники Института русского языка имени Пушкина объявили лауреатом года слово шпиль. Следуя внезапно обнаружившимся интеграционным тенденциям в рамках кросс-культурной коммуникации, журналист С. Лесков объединил двух победителей в названии статьи «Токсичный шпиль как символ года» [6]. Целью данного исследования является изучение механизмов семантической деривации прилагательного *toxic* в языке-доноре и процессов его семантического калькирования в речевых практиках носителей современного русского языка.

Методы и материал. Общетеоретические основы исследования составляют концептуальные положения о лингвокультурной глобализации как ведущей тенденции современной языковой ситуации [13; 14], о динамической синхронии языкового объекта в современной языковой ситуации [5], об англосемантизации как изменении значений автохтонных слов под воздействием английского языка [15]. Изучение особенностей функционирования семантической кальки *токсичный* проводилось в сравнительно-сопоставительной перспективе на материале английского и русского языков с применением методов дефиниционного, компонентного, функционально-семантического и контекстологического анализа. Материалом исследования послужили данные корпуса американского английского языка и Национального корпуса русского языка; данные, полученные по запросу *toxic/токсичный* в поисковых системах Google, а также тексты, размещённые в интернет-источниках.

Результаты

1.1. Процесс семантической деривации прилагательного *toxic* в английском языке

Базовыми лексическими единицами со значением ‘содержащий яд’ в английском языке являются два слова: *poisonous*, восходящее к латинскому *pōtiōnem*, аккумулятиву от *pōtio*, первоначально обозначающему ‘напиток; снадобье, приворотное зелье’, позднее – ‘отравленный напиток’; и *toxic*, непосредственно заимствованное в XVII веке из латинского *toxicus* ‘яд’.

Практически все словари английского языка в качестве прямого значения слова указывают ‘содержащий яд’:

Poisonous: full of or containing poison: *poisonous air, poisonous substance*.

Переносное значение определяется как ‘вредный, разрушительный’: «harmful; destructive»: *poisonous rumors*; или ‘недоброжелательный, злонамеренный’: «deeply malicious; malevolent»: *poisonous efforts* [17].

Механизм возникновения переносного значения основывается на актуализации семы «сильного отрицательного воздействия», что позволяет расширить спектр коллокаций прилагательного с реальными ядовитыми субстанциями на не имеющие материального воплощения объекты, способные причинить интенсивный вред их адресатам.

Все словари в качестве синонимов приводят прилагательное *toxic*, определяемое, в свою очередь, с помощью синонимического *poisonous*:

Toxic: containing or being poisonous material especially when capable of causing death or serious debilitation: *toxic waste a toxic radioactive gas* [18].

Словарное описание переносного значения слова также содержит указание на высокую степень причиняемого ущерба или вреда: *extremely harsh, malicious, or harmful: toxic sarcasm* [18].

Разница между употреблением синонимов в прямых значениях состоит в том, что *poisonous* используется, в основном, по отношению к существующим в природе организмам или субстанции-

¹ Термин англоглобализмы употребляется в статье в значении «лингвистические элементы различных уровней, заимствованные в текущий этап лингвокультурной глобализации из американского варианта английского языка национальными языками» [7, с. 200].

ям (*poisonous snake, mushrooms* и т.п.), в то время как *toxic* тяготеет к определению продуктов деятельности человека (*toxic waste, substance, metals* и т.п.). Как следствие, *toxic*, в отличие от *poisonous*, функционирует преимущественно в научном или научно-популярном дискурсе, прежде всего, в химико-биологическом, медицинском и экологическом.

В американском варианте английского языка *toxic* используется в финансовых дискурсивных практиках для обозначения неликвидных, бесполезных активов или других финансовых средств, которые сложно реализовать на рынке:

Toxic 4: relating to or being an asset that has lost so much value that it cannot be sold on the market, in American English [18].

В качестве примеров переносного употребления *toxic* в общелитературном языке словари указывают те же референты, что и в случае с *poisonous*. Это продукты психической деятельности человека, связанные с восприятием других людей: слухи, подозрения, слова, ирония, сарказм и т.п. При этом сам человек как объект «токсичной» характеристики в структуре значений англоязычных словарей отсутствует.

Примечательно, что в отличие от словарей, авторами которых являются учёные, словарь английского сленга, составленный интернет-пользователями, приводит семь значений, каждое из которых относится к определённой разновидности «токсичного» человека или группы людей. Первое фиксируемое значение характеризуется как «прилагательное, которое описывает крайне неприятного человека, который жалуется по любому поводу, сеет ненависть вокруг себя и грубо отзывается об окружающих» (Перевод наш – СП, ТШ).

Toxic: adjective used to describe usually very negative person, that bitch about everything, spread unnecessary hate or just talk shit about others.

Yo mike is so toxic when he is losing.

Why you gotta be so toxic Tyler? please calm down [20] (цитируется с сохранением орфографии оригинала – СП, ТШ).

Однако использование *toxic* в качестве определения человека является характерным не только для сленга, но и для других стилистических регистров и социо-коммуникативных практик. Анализ Национального корпуса американского английского языка (СОСА) показывает, что актуальная синтагматика *toxic* очевидным образом тяготеет именно к человеческим объектам или присущим людям свойствам, действиям и отношениям. Чаще всего встречаются коллокации с существительными: *partner, person, people, man, woman, parents, father, mother, wife, husband, boyfriend, girlfriend, boss, leader, relationship, love, views, thinking, tweets* и т.п. Широкая распространённость характерна и для сочетаний с дейктическими местоимениями второго и третьего лица. Приведём яркий пример, зафиксированный корпусом: *she is more toxic than cancer* [19].

Сеть англоязычного Интернета пестрит различными справочными пособиями, помогающими идентифицировать токсичных родителей, матерей, отцов, дедушек и бабушек, жён, мужей, партнёров и т.п. на основании некоторого числа признаков, маркирующих их токсичность. Например, согласно блогу «Mental Health & Psychology Blogs», существует 15 признаков токсичности родителей (*15 Signs You Have Toxic Parents*). Самый верный способ разоблачить своих «предков» как носителей токсичности – это диагностировать у них отсутствие эмпатии, англо-американского психотерапевтического конструкта, активно тиражируемого в подвластных глобализации странах. В блоге указывается: *Toxic parents are: 1) Self-centered and have a limited capacity for empathy* [blogs.psychcentral.com]. Другие блогеры рекомендуют распознавать родительскую токсичность непосредственно на основании их речевых действий: *Almost all toxic parents say they love their ... children* [agileleanlife.com/toxic-parents], подрывая тем самым основы другого англосаксонского социо-психологического конструкта – так называемой «culture of trust», или «культуры доверия».

Запрос американского общества на токсичность находит своё описание и в различных научных или научно-популярных психологических трудах, описывающих токсичность родителей, брачных или внебрачных пар, партнёрских отношений и т.п. В рамках психологического сексизма и гендерных штудий особое значение приобретает концепт «токсичной маскулинности» (*toxic masculinity*), сконструированный усилиями эмансипированных американских женщин как сово-

купность тех мужских черт, которые причиняют, по их мнению, вред обществу. К ним относятся такие стереотипы мужского поведения, как склонность к доминированию, самонадеянность, повышенное либидо, полигамная сексуальность, алкогольная и наркотическая зависимость, женоненавистничество, гомофобия и др. Консолидированный портрет мужской токсичности представлен в образе так называемого альфа-самца как эталонного носителя всех маскулинных черт. Появление данного лингвоконцепта и его растущая популярность, очевидно, связаны с тем, что он удачным образом вписывается в стратегию борьбы с «маскулинностью» и «феминностью» как членов бинарной гендерной оппозиции в целом.

Как видим, неосемантизм *toxic* получает прописку в научном или научно-популярном дискурсе, но на сей раз не в области медицины или финансов, а уже в антропологических, культурных, гендерных и, в первую очередь, феминистских социокультурных практиках. В отличие от чисто номинативной функции, которую лексема выполняет в своём прямом значении, основанное на метафоре терминоподобное словосочетание содержит в себе имманентный оценочный компонент, обладающий высокой степенью персуазивности.

Прагматическая оценочность прилагательного и его использование с целью речевого воздействия не в меньшей степени характерно для политического дискурса, в рамках которого *toxic* становится удобным средством формирования у широкой аудитории нужного отношения к объекту токсичной характеристики. Например,

Don't downplay Donald Trump's toxic tweets [[amp.flipboard.com](https://www.flipboard.com)].

Readers React: 'Trump's presidency is so toxic' [<https://www.bostonglobe.com>].

Если некий политический деятель, страна или так называемый режим характеризуются при помощи данного прилагательного, то тем самым провоцируется установка на перлокутивный эффект, который во внеязыковой реальности вызывает принятие яда. Не подлежит сомнению, что попытка выработать условный «рвотный» рефлекс посредством высокочастотного использования определения *toxic* по отношению к тому или иному политическому субъекту препятствует критическому восприятию информации и становится средством манипулирования сознанием целевой аудитории.

Следует отметить, что чрезмерная амортизация прилагательного в популярной психологии, в масс-медиа и в повседневной разговорной речи², постепенно делает «токсичным» само слово, что присуще всем словам категории «buzzword». На англоязычных форумах последних лет отмечается, что *toxic* используется столь часто, что постепенно утрачивает смысл. Как пишет один из участников многочисленных дискуссий по поводу злоупотребления (*overusing*) слова, «Каждый божий день появляются сообщения с описанием токсичности в чате, в голосовом чате, в общем чате, от команды врагов и от команды друзей. <...> это слово вбрасывается ТАК ЧАСТО, что теряет свой смысл. Неужели нельзя перестать применять слово *toxic* к любой ситуации, в которой возникают разногласия? Неужели нельзя перестать устраивать битвы по самому незначительному поводу?» (*Перевод наш – СП, ТП*: [<https://www.reddit.com>]).

Эффект «усталости» от чрезмерного употребления какого-либо модного слова является естественным когнитивным феноменом. Намного более удивительным представляется сам факт универсальной «антропоморфной» метафоризации слова *токсичный*. Признак токсичности является привязанным к строго определённым субстанциям – содержащим яд веществам. Однако, на основании аналогии характера негативного воздействия на адресата, данный признак первоначально атрибутируется продуктам речемыслительной деятельности человека, а затем проецируется на всю без исключения сферу человеческих взаимоотношений³. То есть, в соответствии с положениями теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [5], область источника составляют токсичные субстанции, в то время как область цели – человек во всей совокупности его соци-

² Одной из самых распространённых реплик в общении американских школьников, по сведениям наших информантов в США, является «You're so toxic...»

³ К. М. Шилихина предлагает описывать данный семантический сдвиг как метонимический: от продукта человеческой деятельности – к самому человеку [12].

альных ролей и межличностных интеракций. На наш взгляд, когнитивная направленность американского социума на предикацию признака ядовитости столь широкому кругу реляционных имён является сигналом, свидетельствующим о реальном психологическом состоянии его членов и характере отношений между ними.

Использование морбиальной метафоры в различных коммуникативных практиках всегда рассматривалось в лингвистике как языковой маркер неблагополучного положения дел. Употребление «летальной» метафоры, реализующейся по формуле «человек человеку яд», является ещё более тревожным индикатором наличия значительных проблем внутри общества, продвигающего идеалы толерантности и политической корректности.

Таким образом, в американском варианте английского языка прилагательное *toxic*, с одной стороны, продолжает выполнять номинативные функции в области медицинского, химико-биологического и экологического дискурса, с другой стороны, метафоризируется и используется как универсальный оценочный предикат, маркирующий негативное отношение говорящего к человеку во всех его статусах и социальных ролях.

1.2. Семантическое калькирование прилагательного *toxic* в современном русском языке

В русском языке, как и в английском, имеются две основные лексемы, вербализующие признак «содержащий в себе яд»: *ядовитый* и *токсичный*. Этимология последнего слова была представлена в первой части работы.

Яд, *ядовитый* восходят к двум древнерусским словам *ядъ*, *ьдъ* «яд», *ядно* «опухоль», старославянскому *дъ*. Стар. этимология считает исходным **ēdu-* и сближает это слово с и.е. **ed-* (см. *еда*, *ем*), ср. лит. *ėdis* «еда, пища», др.-исл. *át* ср. р. «кушанье», норв.-датск. *aat* «приманка для хищников» [11].

Словарные статьи указывают на наличие прямого и переносного значения лексемы *ядовитый*:

1. Являющийся ядом (в 1 знач.), причиняющий отравление. *Ядовитое вещество. Ядовитая змея. Я. газ.*

2. перен. Язвительный и злобный. **Ядовитое замечание. Я. характер.**

3. О цвете, запахе: неприятно резкий [8].

Как видим, в области концептуальной метафоризации наблюдается полный параллелизм с английским *poisonous*, основывающийся на акцентуации семы специфического воздействия ядовитых субстанций. Примечательно, что МАС указывает, что в область референции метафорического употребления слова входят не только продукты речемыслительной деятельности человека, способные причинить негативное психологическое воздействие, но и сам человек:

Ядовитый - 2. Язвительный, злобный. Как вас такого ядовитого старичка, земля терпит? А.Н. Толстой. Нечистая сила. || Выражающий злобу, язвительность. Ядовитое слово. Ядовитая улыбка [10].

Однако анализ данных Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) позволяет убедиться в том, что использование прилагательного *ядовитый* в переносном значении встречается редко. Из 2 874 документов только около ста примеров фиксируют случаи переносного употребления: *ядовитые замечания* (30 примеров), *ядовитые насмешки* (35), *ядовитые речи* (4), *ядовитые упреки* (8), *ядовитая ухмылка* (4), *ядовитый человек* (8), *ядовитая женщина* (5), *ядовитая баба*, *бабёнка* (2), *девушка*, *девица* (2), *ядовитый мужик*, *мужичонок* (2) [16].

Что касается лексемы *токсичный*, все словари русского языка фиксируют только одно его значение, отмечая узкоспециализированный характер его употребления:

ТОКСИЧНЫЙ, -ая, -ое; -чен, -чна. Содержащий токсины, токсический [9].

Примечательно, что в НКРЯ среди 365 зарегистрированных употреблений прилагательного имеется только 1 случай его использования вне терминологического контекста: *токсичный старикашка*.

В то же время запрос по данному слову в системе Google даёт нам многочисленные примеры его использования в тех же коллокациях, в которых оно фигурирует в английском языке: *токсичные родители*, *токсичный друг*, *подруга*, *человек*, *люди*, *дети*, *взрослые*, *партнёр*, *начальник*, *босс*, *шеф*,

сотрудники, министры, муж, жена, любовь, сотрудничество и т.п. Инновационная синтагматика прилагательного вызывает проблемы с нахождением точных соответствий в русском языке. Так, в Мультитране предлагаются различные варианты передачи смысла сочетания *toxic person* на русский язык: *нарушитель личных границ, человек с нездоровым влиянием* и даже *энерговампир*.

Русскоязычный Интернет, так же, как и англоязычный, переполнен различного рода справочными пособиями, помогающими выявить «токсичность» во всех вышеуказанных существах и проявлениях взаимоотношений между ними. Часть из источников представляет собой перевод с английского языка, другая часть возникает на основе их незначительной адаптации к собственным лингвокультурным условиям. Однако и в этом случае используются те же незамысловатые механизмы, по которым строят своё речевое воздействие на массового потребителя англо-американские средства массовой информации. Это, в первую очередь, нумерация признаков токсичности или советов в области взаимодействия с токсичными субъектами, например:

10 признаков токсичных родителей, которые портят жизнь детям, не осознавая этого [<https://www.adme.ru>].

Токсичные родители: 10 признаков семейного террора [<https://flytothesky.ru>].

Шесть токсичных начальников, которых нужно избегать любой ценой [<https://hr-portal.ru>].

Для того чтобы целевая аудитория понимала, какой смысл несёт с собой атрибуция признака токсичности различным антропонимическим субъектам, на отдельных сайтах предлагаются определения англосемантизма:

Токсичными отношениями называют любое взаимодействие между людьми (супругами, друзьями, знакомыми, коллегами по работе), приносящее эмоциональную боль и полное истощение ресурсов одной из сторон [<https://monocler.ru>].

Предпринимаются также попытки внедрить и популяризировать изобретённый в рамках американского сексизма уже упоминавшийся конструкт «токсичной маскулинности», который чаще всего калькируется с помощью русского синонима «мужественность». Однако его употребление вместо латинского наименования создаёт эффект катахрезы, поскольку мужественность, во-первых, не является исключительно мужским качеством, во-вторых, в русской языковой картине мира имеет исключительно положительную аксиологическую оценку. Сложности перевода данного сочетания становятся предметом обсуждения на различных форумах, предлагающих весьма любопытные варианты экспликации смысла, например: идеализированная брутальность, бесчувственность и самцовость в социальной роли и поведении мужчины.

Заголовки интернет-текстов о токсичной мужественности позиционируют тему как трендовую и актуальную, а отдельные справочники предлагают различные толкования нового концепта. Автор статьи о токсичной мужественности в интернет-журнале «Wonder» пытается «разобраться, что на самом деле значит этот термин, насколько он научный и почему с ним стоит обращаться осторожно» [wonderzine.com]. Автор разъясняет, что токсичным является не все то, что не нравится, а только «те действия, ситуация или отношения, которые систематически негативно влияют на ваше состояние и будут влиять на жизнь потом, например, абьюз, который убивает самооценку» [Ibid]. Тот факт, что настойчивая атрибуция мужским качеств характеристики «токсичных» может убивать самооценку доброй половины человечества, во внимание, безусловно, не принимается. Интересную логику демонстрирует в статье и социолог М. Юсупова, разъясняющая, что «онтологическая токсичность маскулинности не означает, что все мужчины токсичны» [Ibid]. Заметим, что характеристика мужской токсичности с помощью определения «онтологический» уже сама по себе предполагает имманентную всему роду мужскому социально-психологическую дисфункциональность. «Просветительские» статьи, пытающиеся объяснить российской аудитории смысл нового феминистского конструкта, на сегодняшний день встречают полное недоумение читателей, особенно среди носителей маскулинной токсичности.

Более прочные позиции англосемантизм *токсичный* занял в российском финансовом и политическом дискурсе, хотя в последнем зачастую снабжается кавычками, указывающими на «свежесть» и непривычность подобного смыслоупотребления, либо разъясняется с помощью сравнения с определённым физическим референтом:

У нас очень большая страна, и только 1 процент её освоен. Эта власть стала такой же токсичной, как свалки, которые на этом 1% страны отравляют воздух!» [https://www.bbc.com/russian].

В различных политических телешоу определение *токсичный* фигурирует как в пересказе его участниками англоязычных текстов, так и в собственных высказываниях, в которых характеристика *токсичный* всё чаще служит для выражения отношения к политикам с противоположными взглядами. В финансовом дискурсе *токсичный* используется без метаоператоров в сочетаниях с существительными *долги, кредиты, активы*:

Токсичные долги. Приведёт ли рост популярности ипотеки к краху цен на недвижимость в России [https://360tv.ru/news/].

Анализ

Выполненное в сравнительно-сопоставительном русле исследование показало, что функционирование прилагательного *токсичный* в значении «отравляющий жизнь, оказывающий сильное негативное воздействие», представляет собой результат точного копирования способов его употребления в английском языке. Возможность мониторинга процесса вхождения англосемантизма в различные речевые практики непосредственно в период его протекания позволяет констатировать факт вторичного заимствования без вспомогательных верифицирующих приёмов. В условиях «динамической синхронии» нет необходимости прибегать к тем критериям, которые отграничивают семантическое калькирование от смысловой деривации знака на собственной языковой почве. Индикаторами текущего заимствования значения иноязычного слова являются: его отсутствие в словарях принимающего языка, наличие переводных дефиниций в он-лайн источниках, сложность нахождения соответствий в русском языке, эксплицитные указания на факт недавнего употребления слова в новом значении, сопровождение лексемы метаописаниями и метаоператорами, точное копирование референциального круга определения, функционирование слова в аналогичных с языком-донором дискурсивных сферах, и, наконец, попытка интродукции устойчивых калькированных сочетаний, претендующих на статус лингвоконцептов.

Следует заметить, что способ «он-лайн» констатации фактов семантического калькирования не входит в противоречие с критериями их выявления, предложенными различными учёными. Так, разработанный А.А. Горбовым алгоритм идентификации факта семантического заимствования остаётся релевантным и для этапа его непосредственного протекания. Однако, наблюдения за внедрением англо-американского неосемантизма в русский язык свидетельствуют о необходимости внести некоторые коррективы в предложенный учёным алгоритм семантического калькирования. Согласно А.А. Горбову, «в некоторый период времени язык L1 оказывает влияние на язык L2, являясь для последнего источником пополнения лексикона. Язык L2 нуждается в лексической единице для передачи значения 'X', которое передаётся в языке L1 лексической единицей WL1 и является в этом языке производным значением, образованным путём переноса наименования от значения 'X' лексической единицы WL1. Чтобы имело место семантическое калькирование, в языке L2 должна существовать некоторая лексическая единица WL2, которая по аналогии с лексической единицей WL1 языка L1 приобретёт переносное значение 'X'» [2, с. 91].

С большой дозой уверенности можно утверждать, что потребности в атрибутировании признака токсичности всем человеческим существам и сфере межличностных отношений, и, в первую очередь, родным и близким, в русском языковом сознании не наблюдается. Высокая значимость в русской языковой картине мира таких ценностей, как дружба и любовь, поддержка и взаимопомощь, подтверждаются различными исследованиями соответствующих концептов [3 и др.]. Сложно обвинять и носителей языка-донора в преднамеренных попытках «внедрить» концепт токсичности в русское языковое сознание⁴. Ведущая роль в калькировании «чужих» смыс-

⁴ Отметим, что описание человека в терминах ядовитых субстанций в русском языке находит отражение в виде зоонимической метафоры, однако в большей степени тяготеет к маркированию женских имён (*гадюка, змея (змеюка)*).

лов принадлежит человеку, точнее отдельным группам, копирующим инновационные, «передовые» способы осмысления и ословливания действительности. Ведущая роль в данном процессе, несомненно, принадлежит масс-медиа, «именно их активные усилия способствуют на протяжении свыше двадцати лет и созданию ореола привлекательности артефактов и моделей поведения, коренных для иной культуры, и их быстрому внедрению в общественное сознание» [1, с. 63].

Релевантными для верификации фактов семантического калькирования, или англосемантизации исконных или ранее заимствованных слов, представляются и критерии, предложенные А. Виталиш: «одновременность появления нового значения сразу в нескольких языках, значительное расхождение в семантике предыдущего и нового значений, функционирование неосемантизма в узко ограниченной дискурсивной среде» [15, с. 5]. В условиях глобализационного воздействия англосемантизация прилагательного *токсичный* происходит во всех славянских языках. Что касается критерия значительных изменений в значении слова, следует признать, что в данном случае семантический сдвиг не столь велик и может быть описан в терминах метафоры или метонимии. Однако атрибутирование признака «токсичности» всей сфере реляционных имён представляет фундаментальный когнитивный сдвиг, влекущий за собой изменения в системе ценностей. Что касается функционирования неосемантизма в узко ограниченной дискурсивной среде, данный критерий, как показывает наше исследование, требует уточнения посредством указания на его использование в тех же дискурсивных областях, что и в языке-доноре.

Заключение. Выполненный нами анализ продемонстрировал, что прилагательное *toxic* в английском языке подверглось метафоризации, в рамках которой признак токсичности был спроецирован на всю область межчеловеческих отношений. Наблюдения за изменениями в функционировании слова *токсичный* в современных дискурсивных практиках показали, что в условиях единого медиапространства создаются все условия для лингвистического экспорта нового значения носителями русского языка. Инновационные практики употребления англосемантизма представляют собой процесс семантического калькирования, протекающий в виде точного копирования способов его метафорического употребления в языке-доноре.

© Попова С.Б., Шкапенко Т.М., 2020

Список литературы

1. Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования / А.Д. Васильев. М.: ФЛИНТА, 2017. 264 с.
2. Горбов А.А. К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX-XXI веков // Вопросы языкознания, 2015, №1. С. 87-101.
3. Карасик В.И. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.
4. Кирилина А.В. Динамический объект и опыт его диагностического описания (на примере интернет-комментария) // Когнитивные исследования языка, 2017, №30. С. 683-686.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. М.: УРСС Едиториал, 2004. 256 с.
6. Лесков С. Токсичный шпиль как символ года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rosbalt.ru/blogs/2018/11/22/1748154.html> (Дата доступа 20.01.2020).
7. Новоженова З.Л., Шкапенко Т.М. К проблеме терминологизации англоязычных заимствований в период глобализации // Общественные науки, 2017, № 6. С. 193-202.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: ИТИ Технологии; Издание 4-е, доп., 2006. 944 с.
9. Своё vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка : монография / под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. 345 с.
10. Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т.4. С – Я. 797 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. : Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1987. Т.4. 864 с.
12. Шилихина К.М. Семантическое развитие прилагательных ядовитый и токсичный: что «отравляет» нашу жизнь? // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2019, № 2. С. 86-93.
13. Шкапенко Т.М. Вместо послесловия // Своё vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка: монография / под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 328-335.

14. Coupland N. Introduction: Sociolinguistics in the Global Era. In N. Coupland (ed.) *The Handbook of Language and Globalization*. Malden, MA: Wiley-Blackwell Publishing. 2010. pp. 1-27.
15. Witalisz A. *Anglosemantyzmy w języku polskim — ze słownikiem*. Kraków : Tertium, 2007. 342 s.
16. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (Дата доступа 21.02.2020).
17. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (Дата доступа 20.03.2020)
18. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.merriam-webster.com> (Дата доступа 20.03.2020).
19. COCA – The Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (Дата доступа 20.04.2020).
20. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com> (Дата доступа 20.04.2020).

References

1. Vasil'ev, A.D. *Lingvokul'turnye protsessy i vozmozhnosti ikh prognozirovaniia* [Linguocultural processes and their forecasting capabilities] / A.D. Vasil'ev. M.: FLINTA, 2017. 264 s.
2. Gorbov, A.A. K voprosu o semanticheskom kal'kirovanii i «vtorichnom zaimstvovanii» v russkom iazyke rubezha XX-XXI vekov [On semantic calquing and 'secondary borrowing' in Russian at the turn of the 21st century] // *Voprosy iazykoznanii*, 2015, №1. S. 87-101.
3. Karasik, V.I. *Antologiya kontseptov* [The anthology of concepts] / pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. Volgograd: Paradigma, 2005. T. 1. 352 s.
4. Kirilina, A.V. Dinamicheskii ob'ekt i opyt ego diagnosticheskogo opisaniia (na primere internet-komentarii) [The dynamic object and the experience of its diagnostic description (on the example of internet reader's comments)] // *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2017, №30. S. 683-686.
5. Lakoff, G., Johnson, M. *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By] / G. Lakoff, M. Johnson M.: URSS Editorial, 2004. 256 s.
6. Leskov, S. *Toksichnyi shpil' kak simbol goda* [A toxic spire as a symbol of the year], <https://www.rosbalt.ru/blogs/2018/11/22/1748154.html> (accessed: 20.01.2020).
7. Novozhenova, Z.L., Shkapenko, T.M. K probleme terminologizatsii angloiazychnykh zaimstvovaniy v period globalizatsii [To the issue of loanwords' terminologization in the period of globalization] // *Obshchestvennye nauki*, 2017, № 6. S. 193-202.
8. Ozhegov, S.I. *Tolkovyiy slovar' russkogo iazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language] / S.I. Ozhegov, N.Iu. Shvedova. M.: ITI Tekhnologii; Izdanie 4-e, dop., 2006. 944 s.
9. *Svoe vs chuzhoe v diskursivnykh praktikakh sovremennogo russkogo iazyka : monografiia* ["Us" vs "them" in discursive practices of the modern Russian language : the monograph] / pod red. N.G. Babenko, T.M. Shkapenko. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2019. 345 s.
10. *Slovar' russkogo iazyka: V 4 t.* [The dictionary of the Russian language : 4 v.] / Gl. red. A.P. Evgen'eva. 4-e izd., ster. M.: Rus. iaz., Poligrafresursy, 1999. T.4. S – Ia. 797 s.
11. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: V 4 t.* : Per. s nem. [The etymology dictionary of the Russian language : 4 v.: transl. from Ger.] 2-e izd., stereotip. M.: Progress, 1987. T.4. 864 s.
12. Shilikhina, K.M. Semanticheskoe razvitiie prilagatel'nykh iadovityi i toksichnyi: chto «otravliaet» nashu zhizn'? [Semantic development of the Russian adjectives poisonous and toxic: what «poisons» our life?] // *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2019, № 2. C. 86-93.13.
13. Shkapenko, T.M. Vmesto poslesloviia // *Svoe vs chuzhoe v diskursivnykh praktikakh sovremennogo russkogo iazyka: monografiia* [In lieu of a preface // "Us" vs "them" in discursive practices of the modern Russian language : the monograph] / pod red. N.G. Babenko, T.M. Shkapenko. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2019. S. 328-335.
14. Coupland, N. Introduction: Sociolinguistics in the Global Era. In N. Coupland (ed.) *The Handbook of Language and Globalization*. Malden, MA: Wiley-Blackwell Publishing. 2010. pp. 1-27.
15. Witalisz, A. *Anglosemantyzmy w języku polskim — ze słownikiem* [Anglosemanticisms in Polish – with the dictionary]. Kraków : Tertium, 2007. 342 s.
16. NCRL – Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [National corpus of the Russian language], ruscorpora.ru/search-main.html (accessed: 21.02.2020).
17. Collins English Dictionary, www.collinsdictionary.com (accessed: 20.03.2020).
18. Merriam Webster Dictionary, www.merriam-webster.com (accessed: 20.03.2020).
19. COCA – The Corpus of Contemporary American English, www.english-corpora.org/coca (accessed: 20.04.2020).
20. Urban Dictionary, www.urbandictionary.com (accessed: 20.04.2020).

Сведения об авторах:

Попова Софья Борисовна – ассистент Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (236022, Россия, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56А). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика глобализации, лексическая семантика, лингвоаксиология.
E-mail: sofia_porova39@mail.ru.

Шкапенко Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (236022, Россия, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56А). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика глобализации, прагмалингвистика, лингвоаксиология, славянские языки.

E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

About the authors:

Sofia B. Popova – Assistant Lecturer of Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (56 A, Chernyshevskogo ul., Kaliningrad, 236022). Spheres of research and professional interest: linguistics of globalization, lexical semantics, linguistic axiology.

E-mail: sofia_popova39@mail.ru

Tatyana M. Shkapenko – Doctor of Sc., Professor of the Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (56 A, Chernyshevskogo ul., Kaliningrad, 236022). Spheres of research and professional interest: linguistics of globalization, pragmatics, linguistic axiology, Slavic languages.

E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

Conflicts of interest: The authors declare absences of conflicts of interest.

* * *